

**Преподобномученик Афанасий
игумен Брестский**

Оглавление

[Предисловие \(3\)](#)

[Молодые годы \(6\)](#)

[Начало монашеской жизни и общественного служения \(8\)](#)

[Чудесное странствие в Москву для сбора подаяний на церковь в Купятицах \(11\)](#)

[Борьба преподобномученика Афанасия за Святую Православную Веру\(18\)](#)

[Суд над преподобным и мученическая кончина \(30\)](#)

[Канонизация Преподобного Афанасия. Чудеса при его мощах \(37\)](#)

[Акафист святому преподобному Афанасию, игумену Брестскому \(39\)](#)

[Молитвы преподобномученику Афанасию, игумену Брестскому \(51\)](#)

[Тропарь преподобному Афанасию, игумену Брестскому \(53\)](#)

Предисловие

Святой Афанасий подвизался в Юго-Западной Церкви вскоре после объявления унии и мученически пострадал от латинян, защищая православную истину и Церковь. Положение Православия в Польше и Литве было тогда очень тяжелое. На Соборе в Бресте в 1596 г. было объявлено единение (уния) Православной Юго-Западно-Русской Церкви с церковью Римско-католической, или латинской.

Казалось бы, это событие не только вполне отвечало любви и миру, главнейшим опорам христианства, но и проводило в жизнь величайший из заветов Спасителя, содержащийся в Его молитве к Богу Отцу: *Отче Святой, ихже дал еси Мне, да будут едино, якоже и Мы* (Ин. 17, 11). Но на самом деле уния готовилась недостойными людьми, вызывалась низменными расчетами и клонилась к попранию православной веры и русской народности на Юго-Западной Руси, которая в XVI веке входила в состав Польско-Литовского государства. Уже самое заключение унии не обещало ничего доброго: оно сопровождалось обстоятельствами, которые были противны не только духу Евангелия, церковным обычаям и канонам, но и простым требованиям рассудка. Уния была объявлена действительной, хотя принявшие ее не пожелали даже выслушать православных; на троекратный позыв православных никто из униатов не явился для совещания о вере, и в конце концов представители восточного исповедания, не желавшие насильственного единения, были преданы анафеме со всеми их единомышленниками окружной соборной грамотой латинской партии. На это проклятие Православный Собор ответил осуждением митрополита и владык, принявших унию, и двумя следующими постановлениями:

1. «Мы даем обет веры, совести и чести за себя и за наших потомков не слушать этих осужденных соборным приговором митрополита и владык, не повиноваться им, не допускать их власти над нами; напротив, сколько возможно противиться их определениям, действиям и распоряжениям, стоять твердо в нашей святой вере и при истинных пастырях нашей Святой Церкви, особенно при наших патриархах, не оставляя старого календаря, тщательно сохраняя огражденное законами общее спокойствие и сопротивляясь всем притеснениям, насилиям и новизнам, которыми бы стали препятствовать целостности и свободе нашего богослужения, совершаемого по древнему обычаю. Объявляем об этом торжественно, прежде всего пред Господом Богом, потом и всему свету, и в особенности всем обитателям короны великого княжества Литовского и областей, к короне принадлежащих».

2. «Мы, сенаторы, сановники, урядники и рыцарство, а также и духовные лица греческой веры, сыны Восточной Церкви, собравшиеся сюда, в Брест, на Собор, достоверно узнали ныне от самых вельможных панов, присланных на Собор его королевской милостью, что они с митрополитами и несколькими владыками, отступниками от Греческой Церкви, составили и обнародовали, без нашего ведома и против нашей свободы и всякой справедливости, какую-то унию между Церквами Восточной и Западной. Мы протестуем против всех этих лиц и их несправедливого деяния и обещаемся не только не подчиняться, но, с Божией помощью, всеми силами сопротивляться им, а наше постановление, сделанное против них, будем подкреплять и утверждать всеми возможными средствами и особенно нашими просьбами пред его королевскою милостью».

Эти заветы, которые от лица Церкви возложили на ее верных чад представители восточного Православия в

Афанасий Игумен Брестский

Брестском Соборе, стали признанием святого Афанасия, и их осуществлению была отдана вся его жизнь: борьба с действиями и распоряжениями униатов была для него обетом совести и чести, а в твердом стоянии за святую веру, в защите общего спокойствия, огражденного законами, в противлении всем притеснениям, насилиям и новизнам латинян состояли его подвиги, труды и страдания. О своем протесте против злоупотребления латинской партии властью и силой, на точном основании брестских постановлений, святой торжественно объявлял перед обитателями короны и великого княжества Литовского, неотступно обращался с просьбами об охране Православия и к королевской милости.

Молодые годы

Святой Афанасий родился когда-то около времени заключения церковной унии и, может быть, в Бресте, в том самом городе, где она была провозглашена, где особенно больно чувствовались обиды, наносимые Православной Церквью, и где были более живы любовь к отечественной вере и отвращение к латинству.

Неизвестно, из какого сословия вышел святой Афанасий, но, судя по его пламенной ревности о святой вере, можно думать, что унаследовал ее от людей простых, в то время отличавшихся особенно сильной преданностью Восточной Церкви и даже составлявших братские союзы для ее защиты от насилия латинян.

«Я, недостойный Афанасий Филиппович, — свидетельствует преподобный о себе, — милостью Божией и молитвами Пречистой Богородицы в вере православной и Церкви истинной Восточной, как следует, утвержден с самого детства и возникновения во мне разума».

Первоначальные познания «в науках церковно-русских» он получил, надо думать, в одной из братских школ, может быть, в школе родного города Берестья.

Где святой Афанасий получил дальнейшее развитие, не имеется сведений. Но несомненно он был одним из образованнейших людей своего времени: знал творения святых отцов, жития святых, а также и сочинения западноевропейских историков; свободно писал по-польски, по-латински и хорошо был знаком с греческим языком.

В своей молодости святой Афанасий «служил в разных местах», т. е. вероятно как человек, выдающийся по своему развитию, занимался преподаванием в богатых домах

Афанасий Игумен Брестский

польско-русского дворянства. Когда канцлер литовский Лев Сапега, с ведома польского короля Сигизмунда III (1587—1632), был назначен опекуном над Яном Фавстином Лубой, которому поляки с детства внушили мысль, что он законный наследник московского престола (сын Марины Мнишек, жены первого Лжедмитрия), Афанасий Филиппович, как известный по своему образованию человек, был приглашен к нему инспектором (надзирателем) и в этой должности прослужил семь лет при дворе Сапеги.

Вероятно, суетная, беспечная и не в меру разгульная жизнь, которую пришлось наблюдать св. Афанасию при дворе богатого польского вельможи, произвела в нем нравственный переворот, и он стал часто задумываться «над греховностью века сего». Размышления привели его к тому, что он решил порвать связи с миром, отошел от Сапеги и в 1627 г. принял монашеское пострижение в Виленском Свято-Духовом монастыре. Отсюда святой послан был на послушание сперва в монастырь Кутеинский под Оршою (Могилевская губ.), а затем в Межигорский около Киева, где «немалое время учился воле Божией и жизни по закону».

Начало монашеской жизни и общественного служения

Из Межигорья св. Афанасий был снова позван в Вильну. При прощании межигорский игумен сказал преподобному: «Брат Афанасий, сохрани в глубине сердца по крайней мере три вещи: будь в послушании у своих старших, ревнуй о церковном правиле и стерегись бесед с женщинами; когда, при помощи Божией, сохранишь это, спасешься и будешь потребен на службу Церкви Христовой. Иди с миром!»

На пути в Вильну преподобный встретил весьма больного человека, «взял его на себя и нес не мало»; этот человек открыл подвижнику многое из тайн Божиих, «вложил ему в сердце сладчайшее имя Иисуса и научил, как сохранить его:

- 1) *иметь в обращении с людьми разумную умеренность;*
- 2) *хранить послушание, чистоту и пребывать в бедности;*
- 3) *постоянно памятовать о двоякой смерти (духовной и телесной);*
- 4) *решительно во всем полагаться на волю Божию и*
- 5) *если бы по немощи тела приключилось что противное воле Божией, очищать себя исповедью и полным раскаянием».*

В Вильне преподобный получил посвящение в сан иеромонаха и волей Божией и старших был назначен наместником в Дубойский монастырь под Пинском, где в течение трех лет «сильно боролся то со своими дурными помыслами, то с врагами Православия иезуитами». Канцлер литовский князь Станислав Радзивил в 1636 году отобрал Дубойский монастырь для поселившихся в Пинске

Афанасий Игумен Брестский

иезуитов. Благочестивая душа св. Афанасия была глубоко потрясена этой неправдой, и он видел наяву необыкновенно страшные знамения на небе и на земле: на небе — грозные облака с войсками, выстроенными для битвы и готовыми к отмщению; на земле — семь адских огней, назначенных для семи смертных грехов; в одном из них (в огне пламенного гнева) ясно заметил трех людей: папского нунция в папской короне, короля Сигизмунда и гетмана Сапегу, сидящих в страшной печали за преследование Восточной Церкви.

В горячей ревности по святой вере православной преподобный написал жалобный лист о притеснениях православных латино-униатами и, закрепив его подписями многих почтенных людей, вручил его Пречистой Богородице Купятицкой, т. е. положил у Ее иконы, моля Ее вступиться и защитить православных от обиды.

По отобрании у православных Дубойской обители Афанасий Филиппович был оставлен на послушании в Купятицком монастыре и пребывал здесь в трудах и терпении. В это время (1636 г.) в Купятицкий монастырь пришли листы Петра Могилы, митрополита Киевского (1633—1647), с просьбой собрать милостыню на обновление кафедральной митрополичьей церкви Киево-Софийского собора. Просьба была исполнена, и в мае 1637 г. собранные деньги были отправлены митрополиту. Узнав от посланного, что в Купятицах церковь весьма стара, Петр Могила дал «универсальный лист» (общий лист, по которому можно было собирать подаяния на всем Юго-Западе Руси, а не в одной определенной местности или повете) для сбора подаяний на обновление этого храма, а игумен Иларион (Денисович), после совета с братией, возложил это послушание на святого Афанасия и на послушника Онисима Волковицкого. Преподобный отнесся к труду на благо церкви, в которой помещалась Купятицкая

Афанасий Игумен Брестский

чудотворная икона Богоматери, с необыкновенным усердием и ревностью. После совещания, которое происходило в монастырской трапезе, рассказывает св. Афанасий, «вдруг страх весьма великий напал на меня и я сидел у стола точно одеревенелый; ушедши в свою келлию, я затворился и встал пред Всемогущим Богом молиться о своем послушании. Спустя немного, когда я стоял на молитве, на меня напал такой страх, что я порывался бежать из келлии, но, удержанный какой-то неведомой силой, остался и долго горько плакал и, хотя в келлии никого не было, я услышал сладкий голос: “Царь московский устроит Мне церковь; иди к нему”. При этом меня точно облило варом, и я снова начал горько плакать, думая: что-то будет».

В ноябре 1637 г., когда приближалось время отъезда на сбор, идя от заутрени из церкви, преподобный объявил игумену о своем видении, на что тот ответил: «Брате милый, куда тебя Всемогущий Бог и Пречистая Богородица поведут, туда и иди, а я тут с братией буду молиться, чтобы ты во здравии вернулся к нам; а о чем ты говоришь, не знаю, как это сбудется, когда у тебя нет и листа, который выдается от короля, нашего господина».

Чудесное странствие в Москву для сбора подаваний на церковь в Купятицах

Простившись с братией, прп. Афанасий вошел в притвор церковный и, поручая себя во всем попечению Божию, стал молиться с коленопреклонением; потом через окно взглянул на чудотворный образ Пречистой Богородицы, и ему послышался из церкви шум, очень страшный. Поверженный в трепет, он хотел бежать, но потом, собравшись с духом, снова поглядел через оконце, говоря: «О, Пречистая Богородице, будь со мною». И в ту минуту от чудотворного образа Пречистой Богородицы послышался ясный голос: «Иду и Я с тобою».

А диакон Неемия, стоя на левом клиросе наподобие иконы (этот диакон за несколько лет пред сим преставился в молодых годах после богоугодных подвигов иноческих) и, как бы заикаясь, вымолвил: «Иду, иду и я с Госпожою моею».

Когда св. Афанасий с Онисимом Волковицким приехали в Слуцк (уездный город Минской губернии), архимандрит Шицик отобрал у них листы и все Святки продержал их в большой тревоге, разобидевшись на купятицкого игумена за то, что он отправил сборщиков в Белоруссию без доклада ему, наместнику митрополита; но, устрешенный во сне видением, вернул листы путникам и сказал: «Делаю это для Пречистой Богородицы, а не для вашего игумена; идите с Богом, куда хотите».

Оттуда сборщики прибыли в Кутеинский монастырь близ города Орши.

В монастыре удивлялись их смелому плану идти в Москву

Афанасий Игумен Брестский

за сбором подаяний. Но предостерегали. «Господине отче Афанасие! — говорил наместник монастыря. — Трудно без пашпорта короля, нашего повелителя, идти вам через Смоленск и Дорогобуж за границу до Москвы: виленские чернецы и пашпорт имели для милостыни, а много набедствовались».

Икона Божией Матери Купятицкая

Святой Афанасий был напуган этими словами, но не оставил своего плана; добыв от кутеинского игумена рекомендательные письма к разным протопопам и православным братствам, преподобный посетил Копыс, Школов, Могилев, Головчин. Но нигде не получил милостыни, потому что перед ним прошли другие сборщики. Вернувшись в Кутеинский монастырь и уже решив ехать назад, в Купятицы, преподобный услышал такой совет от

наместника: «Отче Афанасие, брате милый! Жаль мне тебя, что ты, сделав так мало для своего послушания, отъезжаешь домой. Советую тебе: иди через Трубецк до Брянска; хоть и там будет не без труда, однако, волей Божией, попадешь в столицу Московскую».

Запали эти слова в сердце св. Афанасию; передал он их и настоятелю Кутеинской обители, который благословил его на путь и дал рекомендательное письмо к князю Петру Трубецкому. С разными скорбями и неприятностями путники через Пропойск и Стародуб дошли до Трубецка. Но здешний воевода князь Петр, несмотря на письмо кутеинского игумена, отнесся к сборщикам крайне подозрительно, так как тогда было казацкое восстание под начальством Павлюка и граница оберегалась особенно строго. Трубецкой под угрозой великого наказания велел путникам возвратиться назад, и они уже хотели было ехать домой. Но решили побывать еще в Челнском монастыре.

«Когда я, — говорит св. Афанасий, — шел пеший вдали перед конем и молился Господу Богу и Пречистой Богородице, страх великий напал на меня, так что я восклицал громким голосом: “О, Боже мой и Пречистая Богородица, смилуйся надо мною! Что это делается?” В это время мне показалось, будто послушник говорит: “На что требуешь людской помощи? Иди в Москву, Я с тобою”. Приблизившись к послушнику, я спросил его, что он говорил, а он ответил: “Ничего я не говорил тебе, я только сержусь на вас, что мы даром бродим”».

Прибыв в Челнский монастырь, преподобный поведал братии, что при помощи Божией намерен добраться до Москвы; на это один из старцев ответил: «Не дойдешь, господине, так как время тревожное по случаю казацкого погрома, но если с тобою, как говоришь, помощь Божия, то можно дойти. Направляйся в Новгород Северский к воеводе

Петру Песечинскому; счастье твое, если прикажет тебя пропустить, а тут везде великая охрана».

Св. Афанасий послушался этого совета. На пути к Новгород-Северску на ночлеге в постоялом доме, в глухую полночь, на преподобного напал великий страх и ему почудилось, будто кто-то едет с немалой свитой, слышался голос: «Есть, есть, он тут», а когда все утихло, Афанасий разбудил хозяина и, ничего не сказав ему, просил сию же минуту проводить на Новгородскую дорогу.

В пути, ночной порой, не зная, куда ехать, преподобный, чтобы разогнать тревогу, начал возглашать акафист Богородице: «Взбранной Воеводе победительная» — с припевами: «Аллилуиа, аллилуиа», а затем под утро вздремнул. «Отряхнувши сон с очей, — пишет св. Афанасий, — я увидел юношу в мантии, сидящего на нашем коне, поглядывающего назад на нас и указывающего дорогу. Юноша сказал: “Я Неемия, диакон, сожитель ваш купятицкий”. Затем исчез, а когда взошло солнце, вместе с ним я увидел на небе крест, а в нем — образ Пречистой Богородицы с Младенцем, вроде Купятицкого, пронизанный и окруженный лучами солнечными. И после того, как я в раздумье немало смотрел на него, хотел указать на это чудо послушнику Онисиму, а он, вострепнувшись от сна, начал бить коня, и в тот миг образ стал невидим на небе, и я уже больше не упоминал ему тогда о видении.

Приблизившись к пограничному селу перед полуднем, мы чудесно миновали стражу воеводы новгородского: один поселянин того села стоял около дороги, сняв шапку, а когда я поздоровался с ним, сказал мне: “Что это за Госпожа, отче, и куда едет с такой немалой свитой?” Я не знал, что отвечать ему, только сказал: “Но, но” — и отошел к саням».

Из селения проводила иноков большая толпа народа и

около церкви во имя св. Афанасия, стоящей за селом в поле, путники волей Божией перешли границу и приехали в первое село Московской Руси Шепелево. Здесь они были приняты ласково. Все изумлялись, как это им удалось пробраться около стражи, видели в этом явную помощь Божию инокам-путникам, а одна женщина прямо сказала: «Воистину с ними едет Богородица, если они миновали охрану».

10 февраля 1638 г. св. Афанасий с Онисимом прибыли в Севск, где голова с другим чиновным человеком допытывались, для какой нужды явились путники; узнав, что у них нет пропуска к царю, они сказали, что невозможно им добраться до столицы. Преподобный на это ответил: «Иду по воле Божией и той иконы, которую даю вам в отпечатке на бумаге». Тогда они поверили ему и отошли, не приняв никакого решения. Когда преподобный при закате солнца был в одном лесу, неподалеку от Севска, явственно услышал следующий голос: «Афанасий! Иди к царю Михаилу и скажи ему: побеждай наших неприятелей, ибо уже пришел час; имей на военных хоругвях образ Пречистой Богородицы Купятицкой для помощи и в битвах храбро защищай каждого человека, именующегося православным».

Поздно ночью, сбившись с дороги, странники попали в деревню Кривцово, в пяти верстах от Севска, и выпросились на ночлег у одного христианина, у которого был сильно болен сын. Севши около страдальца, св. Афанасий обратился к Всевышнему с молитвой об его исцелении. На следующий день пришел к преподобному хозяин и говорит: «Старче великий, если ты священник, помолись Богу о сыне, чтобы он был здоров». Св. Афанасий, отправивши с послушником молебен, знаменал больного бумажным образом Пречистой Богородицы Купятицкой. О, дивные дела Божии! Точно как

Афанасий Игумен Брестский

пробужденный от сна, больной поднялся и вскричал: «Откуда это пришла надежда моя Богородица исцелить меня?» И тотчас встал, возблагодарил Бога и прислуживал путникам за столом, а люди, бывшие при этом, сильно изумлялись в радости и страхе. Отец исцеленного проводил дорогих гостей на Брянскую дорогу и советовал непременно ехать в Москву.

По отъезде из Кривцов послушник Онисим доставил много беспокойства св. Афанасию и даже порывался бежать от него, говоря: «Вернемся в Литву, ибо здесь погибнем. Для чего мы терпим такую беду и добровольно отдаем себя еще большим опасностям? Настойчиво стремишься ты быть в столице Московской, не будешь, не будешь!» Преподобный, обратившись про себя с молитвой к Господу и Пречистой Богородице, тихо сказал своему спутнику: «Милый брат, побойся Бога! Ты ведь сам слышал и видел немало Божиих чудес над нами; зачем же не рассудительно поступаешь?» И обстоятельнее раскрыв перед ним Божественное попечение о них обоих, наконец сказал: «Нам спутешествуют Пресвятая Богородица по обещанию Своему и Ангел Хранитель наш, которого я ясно видел в лице Неемии, диакона купятицкого».

Выслушав это, Онисим попросил у святого прощения и с того времени спутники ехали в полном согласии.

Когда спутники прибыли в Карачевский Воскресенский монастырь, его игумен принял их с любовью и посоветовал взять пропуск к царю от местного воеводы. Выслушав рассказ путников, воевода произнес: «Дивны судьбы Божии! Я об них выведывать не хочу, а каждому деянию Божию простым сердцем верую». И дал им лист и проводника до самой столицы. «Чудесным образом, — говорит преподобный, — доехавши до Московской столицы, будучи за рекою Москвою, на Ордынской улице, в гостинице, и по

Афанасий Игумен Брестский

всей правде написавши историю того, что происходило по дороге по указанию Божию (как тому верую по простоте сердца), подал ее царю московскому на укрепление, охрану и распространение православной веры». Вероятно, история чудесного странствования св. Афанасия, поданная Михаилу Феодоровичу, пришлась вполне по душе благочестивому царю, и ее составитель, св. Афанасий, был отпущен домой с богатой милостыней на сооружение церкви во имя Пресвятой Богородицы Купятицкой. Из Москвы преподобный и его спутник выехали в Неделю Вербную (1638 г.) через Можайск и Вязьму до Дорогобужа, а отсюда Днепром на челноке через Смоленск и Оршу до Могилева, из Могилева 16 июня «возом» через Минск на Вильну и прибыли в Купятицы 16 июля 1638 г.

Борьба преподобномученика Афанасия за Святую Православную Веру

Скоро после того, в 1640 г., монашествующие Брестского Симеонова монастыря просили настоятеля Купятицкого прислать им на игуменство одного из двух лиц: Афанасия Филипповича или Макария Токаревского. Иларион Денисович, не желая пускать от себя ни одного из дорогих трудников, отправил третье лицо, но брестские иноки не приняли его. Тогда решено было кинуть жребий, кому ехать в Брест, Макарию или Афанасию, и по воле Божией жребий пал на св. Афанасия. Расставаясь с ним, Иларион Денисович написал брестским инокам, что «с великой скорбью» отпускает к ним «половину себя самого» и при этом прибавил: «Спостраждите во всем ему, да со Христом воцаритесь».

По прибытии в Брест на игуменство преподобный прежде всего занялся разысканием старинных грамот, епископских и королевских, которыми утверждались разные права и преимущества за вверенным монастырем. Усмотрев из сих грамот, что «уния со старым Римом, принятая вопреки законам Церкви Восточной, проклята навеки, я, — говорит Афанасий, — открыто в церкви и в разных местах объявлял об этом». Открытое заявление произвело столь сильное действие, что, по словам преподобного, «в месте том Берестейском и во всем округе того воеводства униаты начали испытывать величайшую тревогу». В следующем (1641) году, в сентябре, св. Афанасий отправился на сейм, т. е. на собрание государственных чиновников, в Варшаву и выхлопотал у короля Владислава IV (1632—1648) за его собственноручной подписью грамоту (привилегий), которой подтверждались все старые преимущества православного

Афанасий Игумен Брестский

братства в Бресте и обеспечивалось на вечное время полная свобода богослужения и обрядов по уставу Восточной Церкви. Но по законам царства Польского королевский привилегий не мог иметь силы без утверждения его печатью коронного канцлера или подканцлера. Св. Афанасий молился об этом и даже предлагал деньги, но напрасно.

«Будете все униатами, — говорили хранители печатей просителю, — так мы и даром запечатаем; знайте, что нам от святого отца, папы римского, под клятвой запрещено умножать здесь греческую веру».

Тогда преподобный обратился за советом и помощью к православным, сначала к влиятельным духовным особам, прибывшим на сейм. Но и здесь не нашел он поддержки, так как каждый из них был занят исключительно своими частными делами и выгодами. «Остальные отцы и монахи, — замечает преподобный, — все приехали со своими личными побуждениями и говорят одно: у меня довольно церковей, как себе кто хочет, так пусть и хлопочет, это не мое дело. О полном и общем успокоении веры православной даже нет и помину». Проникнутый мыслью «о полном и общем успокоении», св. Афанасий чутко прислушивался к жалобам на унижение Православной Церкви, которые раздавались отовсюду и были принесены в Варшаву приехавшими на сейм по разным делам горожанами.

Трогательными чертами со слов православных мирян описывает преподобный бедствия Православной Церкви в Польско-Литовском государстве: «Даже и за деньги нельзя иметь свободы в отеческом благочестии и поступать, как требует совесть православных людей. О, горе! Живут дети без крещения, взрослые — без венчания, а умерших хоронят крадучись, ночью, в полях, огородах, погребах. Здесь, в христианском государстве, православные люди

терпят больше стеснений, чем в турецкой неволе. Бедные оршане потому только, что в своем братстве устроили новую церковь, должны были дать за печать двести червонцев». Пораженный грустью при мысли об этих притеснениях православных, св. Афанасий однажды говорил сам себе: «О, Боже правый! Весы беззакония упали до самого края; уже и отцы наши старшие не пекутся о вере православной, об утверждении славы Божией; все как будто стыдятся ее, а что хуже всего — некоторые, обольщенные латиной и высокоумием, из-за почестей и свободы света сего, безрассудно перекидываются от истинной веры к другой вере и, как бы хромая, возглашают: “О, и та и эта вера добра”, а этого быть не может, чтобы существовало много вер добрых, ибо написано: “Един Господь, едина вера, едино крещение” (Еф. 4, 5)».

В одном из видений притесняемая Церковь Православная представилась прп. Афанасию в виде девы, ограбленной, плачущей и жалующейся на врагов своих. Потом на постоялом дворе, когда св. Афанасий совершал акафист Пречистой Богородице и произнес слова: «От всяких нас бед свободы», то услышал от образа Богоматери явственный голос: «Афанасий! Жалуйся теперь на сейме при помощи иконы Моей Купятицкой, в кресте изображенной, перед королем польским и государством, грозя праведным гневом и страшным судом Божиим, который вот-вот поистине наступит, если не образумятся; пусть прежде всего навеки осудят проклятую унию — в этом самая насущная нужда, и им еще может быть хорошо».

Исполняя это повеление, преподобный в 1643 г., как св. пророк Илия, ревнующий об истинной вере, отправился на генеральный сейм в Варшаве. Он взял с собою по семи экземпляров образков Купятицкой Богоматери, написанных на полотне, историю своего путешествия в Москву и «надписание», заключающее предостережения о гневе и

страшном суде Божиим за преследование Православия и покровительство унии. Вместо прошения от Церкви Восточной преподобный раздал знатнейшим членам сейма из дворянских родов иконы Богоматери с приложением и в присутствии всех членов сейма обратился к королю со следующей речью: «Наияснейший король польский, господин мой милостивый! Мы терпим несносную кривду; не хотят нам, людям православным, в делах церковного благочестия утверждать печатями привилегии, не хотят нас защищать на основании прав, скрепленных присягой вашей королевской милости, и вот уже около 50 лет вера православная и Церковь Греческая Восточная под вами, христианскими панами, в королевстве Польском в угоду проклятой унии терпит чрезмерные притеснения, и это при содействии и помощи ненавистных римских церковников, в особенности же иезуитов, чрезвычайно хитрых. Эти иезуиты с помощью точеных речей, лукавых наук и высоких титулов, овладевая душами молодых людей, устроая в школах комедии, проповедуя в костелах и издавая превратные книжки, измышленные по внушению сатаны, безбожно соблазняют простых людей, своих потатчиков, а православных христиан, сами будучи неправославными, предают позору и преследуют».

Ревнитель Православия передал королю снимок с Купятицкой иконы Богоматери и приложил к нему особое писание. Этим писанием преподобный просил короля успокоить правдивую веру греческую, а унию уничтожить. Он писал Владиславу: «Если унию проклятую искорените, а Восточную истинную Церковь успокоите, то поживете лета ваша в счастье, а если не умирите истинной греческой веры и не сметете с лица земли унии проклятой, то воистину познаете гнев Божий. Образ Пресвятой Богородицы да будет вам трубою и знаменем, предваряющими Страшный суд Божий, который имеет наступить, когда благословенные унаследуют Царство Небесное, а проклятые будут

низринуты в ад на вечные муки».

Грозные речи и писания Афанасия, конечно, должны были поразить сердце короля и сенаторов, и, вероятно, правительство по этому поводу выразило свое неудовольствие представителям православной партии на сейме, и «свои отцы старшие» взяли Афанасия, объявили помешанным и посадили под стражу. «Я, — пишет преподобный, — остался поруганным, осмеянным и оплеванным за то, что (прости им Боже!) не докладывался им, защищая мольбы (как будто нужно докладываться в таких тайнах Божиих и сделал это по собственному хотению, а не воле Божией). О, горе! До чего дошло у мудрых на латинский образец. Уже нисколько не заботятся о вере и не слушают воли Божией, но, всецело надеясь на себя и на свой разум, творят свою волю и своих же угнетают».

Снедаемый скорбью, что не только король с польской шляхтой, но и своя братия духовная не хочет поддержать великое дело успокоения веры православной, Афанасий, подражая Христа ради юродивым, притворился как бы безумным. Вышел из темницы нагим, имея на себе только клобук да параманд для показания своего звания, вымазался в болоте и, поражая себя посохом, бегал по улицам Варшавы и восклицал громким голосом: «Горе проклятым и неверам!»

Преподобный имел намерение вбегать в костелы и возглашать те же слова, но его догнали слуги владык, съехавшихся на сейм, и, втолкнув в болото, глубиной выше колен, продержали его до прихода с постоялого двора воза. Произошло это в марте месяце: страдалец терпел великую стужу. Еле живой на возу был доставлен во владычную гостиницу и снова кинут в заключение.

По жалобе некоего Даниловича, архиерейского писаря,

«старшие отцы судят» преподобного и, «не имея на это никакого права, постановляют решение: лишают его игуменства и пресвитерства», затем препровождают его, как зачумленного, от одной духовной особы к другой и по окончании сейма отправляют на суд к Киевскому митрополиту, которым тогда был знаменитый Петр Могила.

Консистория митрополита оправдала Афанасия, и варшавское определение было уничтожено. «Когда я на суде, — замечает Афанасий, — припомнил, как меня в Варшаве водили от гостиницы к гостинице, отец Гизель сказал: “Как от Анны к Каиафе”», т. е. сравнил варшавский суд над Афанасием с судом первосвященников иудейских над Иисусом Христом.

Восстановленный в пресвитерском сане, преподобный неоднократно совершал святые литургии в Киеве, как в пещерах, так и в церкви Успения Богоматери, а когда православное Брестское братство вошло к митрополиту с просьбой вновь прислать на игуменство св. Афанасия, Петр Могила исполнил это ходатайство братчиков. В грамоте братству по поводу возвращения игумена митрополит ставил на вид, что преподобный посылается на игуменство «после надлежащего вразумления духовного за поступок, который всей Церкви Российской причинил скорбь и трудности», и что Брестский игумен вперед «будет осторожней поступать в делах церковных, особенно же перед королем, его милостью, господином нашим милостивым и всем пресветлым его сенатом».

Вернувшись в Брест, св. Афанасий всей душой отдался монашеским подвигам с братией вверенного ему Симеонова монастыря. Но обстоятельства в Западной Руси слагались в то время так, что тихая и уединенная жизнь иноков постоянно прерывалась. Православные — как духовенство и монахи, так и миряне — терпели много

Афанасий Игумен Брестский

притеснений за свою веру: не раз испытывали от своевольных школьников иезуитских и от униатских попов ругательства, позорные насмешки и битье, нападения и всякого рода бедствия. Один униатский архимандрит, насильно захвативши на большой дороге монахов, посланных к св. Афанасию из Купятицкого монастыря, священноиноку отрезал бороду, диакона раздел донага и обоих прогнал, а двух монастырских коней со всеми вещами грабительски присвоил себе. Дошло до того, что никому из монастыря нельзя было показаться на улицу, не подвергаясь ругательствам. «На каждом месте, — рассказывает св. Афанасий, — во дворах и судах, ругаются над нами и кричат на нас: “Гу-гу, русин, волк, схизматик, турко-гречин, отщепенец”».

Так как канцлер Сапега считался покровителем (патроном) Брестского монастыря (обитель имела землю, им данную), то преподобный в 1644 г. ездил к Сапеге в Краков и просил своего прежнего хозяина, чтобы он выхлопотал у короля охранный лист для православных жителей Бреста, которые не находят в судах защиты от притеснений со стороны униатов. Но гордый вельможа дал такой ответ преподобному: «Поп с попами подрался, а мне какое дело? Сделайтесь униатами и будете жить в покое».

Обиды и притеснения, которые отовсюду сыпались на православных, разумеется, не могли не волновать преподобного. В сильном возбуждении он становится на молитву перед Купятицкой иконой Богоматери и опять явственно слышит голос, исходящий от святой иконы: «Афанасий! Проси еще с помощью Моего образа на будущем сейме перед королем польским и Польским государством о полном уничтожении проклятой унии. Хорошо будет, если послушают и уничтожат ее: проживут еще счастливо в будущих летах».

начал готовиться к генеральному сейму 1645 г. Прп. Афанасий имел намерение, как в предшествующий сейм, поднести корою и сановникам в нескольких тетрадях снимок Купятицкой иконы Пресвятой Богородицы вместе с описанием чудес от нее во время путешествия в Москву, а затем сделать предложение об отмене унии и успокоении православной веры. Но преподобному не суждено было осуществить свои намерения: в ноябре 1644 г. он был арестован в Бресте, отвезен в Варшаву и брошен в оковы, в которых содержался более года.

И в тюрьме, как на свободе, преподобный более всего отдавался скорби о тяжелом положении Православной Церкви в Польско-Литовском государстве и мысли о «полном и общем успокоении» истинной веры. Лучшим выражением его тогдашнего настроения служит стихотворение, которое он составил, сидя в тюрьме, и, положив на голос, распевал для утешения душевной боли: «Пошли покой Церкви Своей, Христе Боже! Не знаю, может ли кто из нас терпеть дальше! Дай нам помощь в печали, чтобы мы всецело отдались вере святой, непорочной».

Когда надзор за преподобным был ослаблен, он, сидя в тюрьме, усердно занялся составлением памятной записки (мемориала), которая и подана была от его имени королю Владиславу 29 июня 1645 г. во время заседания генерального сейма. В записке своей преподобный доказывает: Русь с самого принятия христианства стояла в церковной зависимости от Константинопольского патриарха, а униаты, «отбегшие пастыря своего законного» и отдавшиеся другому, не настоящему (папе), подлежат анафеме, как отступники от веры; самая уния принята была духовными по корыстным побуждениям: например, епископ Игнатий Поцей, один из ее защитников, добивался сенаторского кресла; митрополит Рагоза и епископ Кирилл Терлецкий склонялись к унии, привлекаемые вольностями,

которые им обещаны от лица папы. «От того часу, — говорит св. Афанасий, — как Каин Авеля и Измаил Исаака, так проклятый униат бил и преследовал православного брата своего и по сие время, с помощью прислужников и врагов правды святой, при поущении Божиим, как хочет, так и злодействует: бедных людей всякого сословия, как в братствах церковных, так и во всяких советах, судебных и ремесленных, клеветца безбожно, грабит и дерет со всего, что имеют православные христиане — с веры святой, с совести чистой, с славы доброй, с имущества, всячески поносит их и бьет; кроме того — и это хуже всего — печатает, отбирает, повергает в нищенство и уничтожает церкви, мешая свободе благочестивой совести.

Во многих и разных местах в королевстве христианском ради той проклятой унии и по сие время совершаются ненужные кровопролития. В конце концов и с казаками из-за той же унии была внутренняя бесполезная война; из-за нее милость исчезла чуть не во всех; из-за нее ласкательство, подхалимство, зависть, предательства, злодейства и — хуже всего — размножается проклятая вражда; из-за нее погиб порядок духовный и светский».

Св. Афанасий обращается к королю с мольбою отменить унию, введенную королевской властью: духовные отцы (епископы) уже не могут улучшить положения, так как сами нуждаются в исправлении. При вступлении на престол король присягою скрепил обещание умирить Православную Церковь, а между тем этого не сделано и доселе. Не нужно насилия ни над чьей совестью: пусть униаты остаются, если хотят, при своих заблуждениях, но и пусть православные будут свободны в своей вере.

Неизвестно, как эта горячая мольба узника была принята королем, думая, что бумага не дошла до него, преподобный из темницы пишет второе прошение, в котором обращается

к королю с трогательным воззванием: «Смилуйся, наияснейший король польский, господин мой благосклонный, над гонимую Восточную Церковь, которая находится в твоём королевстве». Это прошение, оправленное в зелёный атлас, во время проезда короля по Варшаве было брошено кем-то в его карету и прочитано Владиславом IV, но распоряжения по нему не было сделано. Ещё одна бумага, назначавшаяся корою, не была им принята. «Не нужно, не нужно больше ничего, — сказал он, — я уже приказал выпустить его».

Действительно, 19 октября 1645 г. по приказу Владислава было написано Киевскому митрополиту, чтобы он прислал взять к себе Афанасия, который «заслужил наказание, но его королевская милость оставляет без внимания»; вместе с тем от митрополита требовалось послать беспокойного для польской власти игумена в такое место, где бы он не мог уже «чинить никаких тревог».

Тем временем с преподобного сняли оковы и ослабили надзор, так что он мог свободно получать письма от близких ему людей. Одно из присланных в тюрьму писем, утешая узника, называет его исповедником. Преподобный сравнивается здесь со святым апостолом Павлом, и говорится далее, что «среди запустения он процвел как благоуханный цвет, сияющий не только российскому народу, но всему соборному вселенскому благочестию».

Хотя св. Афанасий мог легко бежать из тюрьмы, но он не соблазнялся свободой и требовал суда над собой или, по крайней мере, приема у короля. Он рассылал письма и прошения к лицам, влиятельным при дворе, чтобы они испросили ему у короля прием, и король было согласился выслушать игумена, но католическое духовенство отговорило Владислава, и 3 ноября 1645 г. преподобный был отправлен с двумя драгунами в Киев. Явившись к

митрополиту Петру Могиле, св. Афанасий представил ему подробный отчет о своих деяниях в Варшаве с приложением в копиях документов, которые им были даны королю. Вероятно, преподобный надеялся, что митрополит и на этот раз оправдает его, как оправдал раньше, и отошлет опять на игуменство в Брест, но королевское повеление возымело свою силу: подвижник был оставлен в Печерском монастыре как бы под началом.

Заключение преподобного в Киеве сильно волновало многочисленных его почитателей и один из них, по имени Михаил, писал по этому поводу наместнику и братии Брестского монастыря в следующих выражениях: «Извещает ваше благочестие меня, что пречестный отец Афанасий разрешен от узилища иноверных и послан в Киев на заключение к единоверным. Это дивно для меня, ибо и Христос, Господь наш, пострадал не от неверных, но от верных своих предан был в руки человек грешных. Пророчествует господин отец Афанасий, что уния погибнет. Я бы веровал этому, если бы видел наши заслуги, но я не вижу их и не смею веровать в конец (унии). А почему? Спросите. Потому что наша Русь этого не хочет, особенно же старейшины. Кто не желает ратовать против унии, тот стремится к ней; поэтому наши старейшины хотят унии, если не словом, то делом, что еще хуже». Вероятно под влиянием этого ясно обнаружившегося расположения православных к святому и последовавшей 1 января 1647 г. смерти Петра Могилы преподобный получил свободу и вновь вступил на свое игуменство.

Суд над преподобным и мученическая кончина

Но недолго святой Афанасий наслаждался покоем в тихой обители Брестской. Весною 1648 г. в Малороссии вспыхнуло казацкое восстание под предводительством Богдана Хмельницкого, началась несчастная для поляков война. Православное население Литвы и Польши во время войны страдало еще больше, было на постоянном подозрении в измене польскому королю, в соучастии с восставшими казаками. И святой Афанасий принял тогда мученическую кончину, несправедливо обвиненный в измене.

О суде над преподобным и его казни обстоятельно рассказывает особая повесть, составленная под сильным впечатлением скорбных событий послушниками Брестской обители св. Симеона, почитателями св. Афанасия. «Что мы видели своими глазами, что могли узнать от других людей о муках и отшествии из мира сего покойного отца Афанасия, нашего игумена, о том пишем и свидетельствуем. Кто-то недобрый в то время поднял войну с казаками: и встали великое преследование и неосновательное подозрение от иноверных на бедную Русь во всей короне Польской и великом княжестве Литовском. Покойный отец игумен уже не говорил ничего, противного униатам, сидел себе тихо в монастыре в то тревожное время. Вдруг паны из каптуровых судоввоеводства Брестского по навету пана Шумского, в то время капитана королевской гвардии, прислали несколько человек шляхты в наш монастырь, чтобы взять игумена в замок.

А был тогда день субботний, именно 1 июля, и покойный

сам служил литургию в храме Рождества Пречистой Девы Богородицы в другом своем монастыре.

Когда он, находясь у престола, заметил в церкви, как раз во время пения “Иже Херувимы”, шляхту, за ним пришедшую, — сильно встревожился, как бы впал в забытие и стоял долго, ничего не совершая, так что можно было пропеть Херувимскую песнь в другой раз. Потом оправился, опять начал служить и всю литургию окончил чинно. А по окончании обедни выслушал от шляхты, что она пришла за ним, и немедленно, никуда не заходя из церкви, взявши с собой другого брата, пошел в замок. Там, став перед панами судьями, начал сперва громко говорить им и с почетом к судьям привел то, что святой апостол Павел был перед царем Агриппою и считал себя счастливым, так как знал, как ему защищаться (Деян. 26, 1—2). Но паны судьи отнеслись с презрением к речи покойного игумена и, не слушая больше, приказали доносчику, названному пану Шумскому, начать докладывать дело против него о посылке каких-то листов и пороху казакам.

А отец игумен отвечает на это: “Милостивые паны! Это клевета и ложный вымысел, будто я посылал листы или порох казакам. Ведь вы имеете немало дозорщиков, пошлите за ними, и пусть они покажут, если я когда-нибудь и куда-нибудь отправлял порох. Что касается листов, то пусть ябедник приведет какое-нибудь доказательство, что я посылал их, как он клеветает”. Тогда немедленно послали доносчика Шумского и других при нем, чтобы перерыли наш монастырь и отыскиали порох и листы. А когда ничего не нашли там и уже уходили назад, доносчик отрыгнул злобу свою и сказал гайдукам: “Что же вы не подкинули какого-нибудь мешочка с порохом и не донесли, что нашли тут у монахов”.

Увидали затем и сами паны судьи, что не было никаких

Афанасий Игумен Брестский

доказательств вины игумена, а одна только пустая молва, вернее клевета, и успокоились. Но стали допрашивать о другом предмете и сказали: “Но ведь ты унию святую бесчестил и проклинал?” Положивши на себя знамение креста Господня, покойный отец игумен в ответ на это произнес: “Ужели, милостивые паны, вы за то велели мене явиться к вам, что я бесчестил и проклинал вашу унию? Что я говорил на сейме в Варшаве перед его милостью королем Владиславом IV, господином своим яснейшим, и перед пресветлым его сенатом, что всюду провозглашал по воле Божией, то утверждаю и теперь пред вами: проклята ваша теперешняя уния, и ведайте по сущей правде, что если ее не истребите в своем государстве и Православной Восточной Церкви не умирите, навлечете на себя гнев Божий”. А сказал это громким голосом, чтобы и те, кто был поодаль, могли хорошо слышать.

Сейчас же на эти слова некоторые крикнули: “Казнить, четвертовать, посадить на кол такого схизматика!” И уже начали было его толкать от одного к другому и рвать во все стороны. Но паны судьи велели всем на время из избы выйти и, потолковав между собой, говорят отцу игумену: “Ты заслужил, чтобы тебя сейчас же предать позорной смерти (и она не минет тебя). А теперь мы приказываем взять тебя в темницу, пока не получим какого-либо указания из Варшавы”.

Тогда отпустили брата, с ним бывшего, а его отдали в тюрьму при арсенале в замке Брестском от Рождества Христова в год 1648, июля первого. Несколько дней спустя приказали наложить оковы на ноги его, и так он просидел в темнице до 5 сентября того же года. В это время покойный (т. е. св. Афанасий) несколько раз посылал из тюрьмы некоего брата к панам судьям, прося, чтобы сделали для него одно из двух: или приказали снять кандалы, или выпустили из арсенала, а в оковах он обещал

ходить сколько им угодно.

Он задумал это, как сам объяснил нам, чтобы свидетельствовать перед ними и вразумлять, не отступят ли от своей давней и упорной привязанности к унии. “Ибо, — говорил он, — если поступят со мною столь мягко, что освободят или из оков, или из тюрьмы, то снесут и мои речи против унии; если же не захотят позволить этой малейшей вещи, очевидно, не допустят большей и будут крепко стоять за унию. А затем, — пояснил он, — мы никак уже не можем надеяться на покой, который, как известно, отнят у нас в этом государстве во имя унии и с целью лишить Восточную Церковь, мать нашу, ее прав”. Поэтому он, когда увидел, что не желают позволить ему ни того, ни другого, смело начал возглашать: “Не покинет государства этого меч и война, пока не сокрушат выю унии; благочестие, даст Бог, опять скоро зацветет, ей, ей, зацветет, а уния быстро погибнет”. И часто бывало так, что он, когда заметит из арсенала шляхтичей, говорит им через окно такие речи.

Однажды пришел к отцу игумену тот брат, который ходил с ним к панам на суд, и говорит ему: “Не хотели вас паны избавить ни от оков, ни от тюрьмы, а ведь война с казаками улегается”. За тем братом пришла и шляхта слушать, что отец игумен ответит на его слова, а он тотчас при всех произнес: “Не уляжется война, ибо не хотят из государства изгнать унии”. Шляхта, услышав это, закричала: “Ах, какой схизматик!”

Раз в присутствии князя и епископа, которых здесь не называем, приказали паны судьи привести к себе покойного в оковах, и спросил его епископ, действительно ли он проклинаяет унию. Покойный сознался перед ним, говоря: “Действительно, она проклятая”. А тот, не желая его больше слушать, ответил: “Скоро ты увидишь язык свой перед собою в руках палача”. И приказал его отвести опять и

посадить в тюрьму.

Когда миновал четвертый день сентября 1648 г. и наступила ночь пятого числа, взяли покойного отца игумена из темницы и, расковав кандалы, проводили в обоз (подвижной укрепленный лагерь). Говорят, что перед отправлением его в обоз иезуиты, знавшие об осуждении его на смерть, ночью приходили к нему в темницу и, как привыкли поступать всегда, сперва словами и обещаниями старались отвлечь его от православной веры, а потом устрашали огненными муками. Но, милостью Божией ничего не успев, сами ушли вспять, а одного ученика своего послали к нему, побуждая, чтобы передумал и не губил себя. Но на это он велел ответить так: “Пусть иезуиты знают, что как им приятно пребывать в прелестях мира сего, так мне приятно пойти теперь на смерть”.

Что потом в обозе творили с ним, об этом ходят между многими людьми такие рассказы. Когда его ночью препроводили в обоз и хотели отдать бывшему там воеводе берестейскому, пан воевода не желал его брать к себе и сказал: “Для чего вы привели его ко мне? Он уже в ваших руках; делайте же с ним, что хотите”.

Когда же, таким образом, начальник выдал его, его взяли к себе те, которые давно жаждали его крови (иезуиты и их помощники униаты), и отвели в лесок, бывший недалеко от обоза, а от места (т. е. города Бреста) в четверти мили, в левой стороне по направлению к селу Гершенович. Там его сперва припекали огнем, а один гайдук стоял тогда поодаль и слышал голос покойного отца игумена, как он им что-то грозно отвечал во время мучений. Потом вдруг закричали на того гайдука и велели ему зарядить ружье двумя пулями и в то же время приказали перед ним приготовить яму. Сначала требовали от покойного, чтобы он отрекся от своих слов об унии, но он ответил: “Что сказал, сказал, и с тем

Афанасий Игумен Брестский

умру”. Тогда велели гайдуку выстрелить ему в лоб из ружья. Гайдук, видя, что он духовный и знакомый ему, не торопился, но сперва испросил у него прощение и благословение, а потом выстрелил в лоб и убил.

Покойный, уже простреленный двумя пулями в лоб навылет, еще стоял некоторое время, опершись о сосну как бы своей силой, так что его велели сбросить в приготовленную яму. Но и там он сам обернулся лицом к небу, сложил крестом руки на персях и протянул ноги; потом и нашли его так лежащим в названном месте. В ту ночь, когда замучили покойного, великий трепет напал на нас и на всех мещан от этих дел, и, хотя ночь была ясная и не виделось облака даже в аршин величиной, молния была ужасная и разливалась по всему небу.

И так лежал покойный, неведомо для нас, без погребения от 5 сентября до 1 мая, в течение восьми месяцев. Мы знали, что его уже нет на свете, но не ведали, где его тело, пока один мальчик, лет семи или восьми, не указал нам место, где оно было зарыто. Мы сперва желали увериться, подлинно ли это он или кто другой, потому что его могли оттуда тайно перевезти на другое место (земля, на котором лежало тело его, принадлежала иезуитам). Поэтому, дождавшись ночи, откопали его и, узнавши, что это подлинно он, немедленно перенесли его в другое место. При теле его не нашли ничего из вещей, кроме одной рубашки — и то изорванной — и одного сапога. На другой день с позволения полковника брестского перевезли игумена в монастырь Рождества Пречистой Богородицы, а несколько дней спустя (8 мая), совершив отпевание по чину церковному, похоронили его в склепике на правом клиросе в храме прп. Симеона Столпника. Там и до сих пор тело его находится без истления.

Знаки муки и смерти на теле его следующие: под пахами с

Афанасий Игумен Брестский

обеих сторон кости голые, впрочем тела по местам немного осталось, но и то от огня очень почернело; во главе три отверстия: два близ уха с левой стороны, в величину ружейной пули, а третье — с правой стороны за ухом, гораздо больше, нежели первые два, лицо у него все почернело от пороха и крови, язык из рта несколько вышел и усох промеж зубов: думаем, что его похоронили еще живого и это сделалось с ним от великой тяготы смертной. Бог благодатью Своею да утвердит и нас в благочестии и да пошлет терпение ради имени его святого».

Канонизация Преподобного Афанасия. Чудеса при его мощах.

Преподобный Афанасий был местно признан святым весьма скоро после своей кончины, в 1658 г., 5 января. Иннокентий Гизель, архимандрит Киево-Печерский, с Иосифом Нелюбович-Тукальским (с 1664 г. митрополит Киевский) в письме к царю Алексею Михайловичу говорят, что тело Афанасия «откровенно бывши, и доселе, дивну Богу во святых Своих, в Бресте пребывает нетленно».

В 1666 г. в Бресте было составлено на польском языке житие, в котором Афанасий называется «святым и преподобномучеником». Мощи его покоились сначала в медной раке, но 1816 г., 8 ноября, сгорели вместе с деревянной церковью св. Симеона Столпника; остались лишь обожженные частицы, которые в присутствии молящихся были уложены на оловянном блюде и помещены в Благовещенской церкви монастыря. В 1823 г. для частиц мощей была устроена рака и они поставлены открыто для всенародного чествования. В 1824 г. монастырь был упразднен, его церковь обращена в приходскую и святые мощи помещались в крепостном Николаевском соборе; по сооружении же в городе Симеоновского каменного собора в 1865 г. сюда были перенесены останки преподобного, где и пребывали.

Память св. Афанасия, как мученика за веру, на Юго-Западе Руси была настолько живуча и сильна, что не нуждалась ни в каких внешних уверениях и свидетельствах. Поэтому до нас не сохранилось записей его чудес вплоть до середины XIX века. Под 14 ноября 1856 г. в местных записях отмечается следующее знамение Божие от мощей св.

Афанасия.

Помещик Владимирской губернии Николай Александрович Поливанов, возвращаясь из-за границы, должен был задержаться в Бресте вследствие тяжелой болезни десятилетнего сына Александра. Болезнь развивалась быстро и не оставалось никаких надежд на выздоровление отрока. Пригласив местного священника для напутствия сына Святыми Тайнами, отец стал горько скорбеть, что здесь нет святыни, как в центре России, чтобы можно было прибегнуть к ней с горячей мольбой об исцелении ребенка. Священник ему сказал, что в Бресте имеется святыня — мощи прп. Афанасия, и Поливанов стал просить привезти ковчег с мощами, отправить при больном молебствие и приложить его к ним. Благочестивое желание отца было исполнено, и как только ковчег с частицами мощей прикоснулся к Александру, страдания болящего тотчас же прекратились и он, вопреки ожиданиям врачей, вскоре совершенно выздоровел. 15 августа 1857 г. благодарный отец прислал в Брест серебряную с позолотой раку весом тринадцать с половиной фунтов, в которую и были торжественно переложены мощи св. Афанасия.

Под 14 мая 1860 г. записано следующее чудо от святых останков преподобного. Местный протоиерей Василий Соловьевич страдал грыжей, так что у него стали выходить наружу внутренности; доктора советовали больному сделать довольно тяжелую операцию, но он не согласился и стал готовиться к смерти; исповедавшись, он пожелал перед приобщением Святых Таин отслужить молебен св. Афанасию, которого он весьма почитал; во время молебна внутренности его вошли на свое место; больной, к полному удивлению врачей, совершенно оправился и не испытывал больше приступов боли.

Афанасий Игумен Брестский

Акафист святому преподобному Афанасию,
игумену Брестскому

Кондак 1

Избранного Богом от юности поборника Православных Святыя Веры и приявшаго мученический венец за исповедание ея, Святаго Преподобномученика Афанасия похвальными песнями почтим, ты же, яко предстоя пред престолом Царя Славы, от всяких нас бед свободи, да зовем ти: Радуйся, Преподобномучениче Афанасие, похвало и украшение наше.

Икос 1

Ангельский чин восприявши, ангельское житие явил еси, душу твою чистотою добродетелей украсил, непорочно Богу служил еси, словом и житием верные своя наставляя, сего ради прими от нас, преподобномучениче, сия усердныя похвалы: Радуйся, из млада Бога возлюбивый. Радуйся, заповеди Его верно сохранивый. Радуйся, соблювший душу твою страстьми непорабощенну; Радуйся, благодатию Божию просвещенный. Радуйся, веры Христовыя истинный поборниче. Радуйся, отеческих преданий неложный защитниче. Радуйся, мученическими добротами украшенный; Радуйся, в светлый чертог Господень приятый. Радуйся, Преподобномучениче Афанасие, похвало и украшение наше.

Кондак 2

Видев суету жития мирскаго, еще от юности, в мире пребывая, удалялся еси сладостей жития сего, молитве же и службе Божией усердно прилежа и ум свой богомыслием возвышая, присно воспевал еси Господеви ангельскую песнь: Аллилуиа.

Икос 2

Разум твой божественными учеными просвещая, красная мира сего, Преподобне, отринул еси, сего ради, водворяясь во обитель Святаго Духа града Вильны и тамо молитвою и пощением во служение Христу себе уготовляя, душеполезное сокровище стяжал еси. Мы же твое высокое любомудрие ублажая, приносим ти похвалы сия: Радуйся, прельщения юнаго возраста победивый; Радуйся, от юности жития богобоязненнаго сладость вкусивый. Радуйся, велений Христовых из млада исполнителю; Радуйся, чистоты душевныя и телесныя усердный хранителю. Радуйся, подвижнице, угождение Богу паче всего возлюбивый; Радуйся, образ отвержения себе нам показавый. Радуйся, яко путем прискорбным ко Христу последовал еси; Радуйся, яко в райския обители возвещал еси. Радуйся, Преподобномучениче Афанасие, похвало и украшение наше.

Кондак 3

Сила Всевышняго охраняючи тя непрестанно в житие твоём, яве показа тя, яко сосуд избранный во еже послужити Богови и наставляти люди ко спасению, тем же и мы таковое Божественное смотрение о тебе зряше, воспеваем купно с тобою хвалебную песнь в Троице славимому Богу: Аллилуиа.

Икос 3

Имущи присно пред очима своима жертву Христову, за грехи людския принесенную, жертвенно предал еси житие твое в руке Божии и, взем крест долготерпения и злострадания, Христу последовал еси: тем же и мы,

ублажающе хриstopодражательное житие твое, воспеваем ти сице: Радуйся, в сердце твоем образ Христа непрерывно носивый; Радуйся, Христу работати и искренно Ему служити люди научивый. Радуйся, яко очесами мысленными к свету навечернему устремлялся еси; Радуйся, яко к небеси путем прискорбным возшел еси; Радуйся, заповедей Христовых и заветов апостольских усерднейший хранителю. Радуйся, спасение душ паствы твоя изрядный рачителю; Радуйся, житием твоим праведным Богу угодивый; Радуйся, наследие царствия небеснаго богоугождением себе улучивый. Радуйся, Преподобномучениче Афанасие, похвало и украшение наше.

Кондак 4

Бурю гонений воздвигоша врази противо обители Дубойския, юже устроял, соделал еси, Преподобномучениче, оплотом Веры Православныя, ты же ведением небесным озаренный, вверив судьбы братии твоя Божию Промышлению усердно моляся с нею Богови, зывал ему: Аллилуиа.

Икос 4

Слышавше насельницы града Береста о богоугодном житии иноков Купятницкия обители, просиша игумена сия обители, да изберет единаго из братии поставити во игумена обители Берестейския. Егда же братия недоумеваша, кому же дати жезл игуменства, Промысл Божий жребием каза на тя, яко достойный сосуд божественныя благодати. Тем же и мы, дивяся чудному промышлению Божию о тебе, достохвально зываем ти: Радуйся, пастырю, от самого Бога предуказанный; Радуйся, начальниче обители, свыше избранный. Радуйся, во православии братию обители твоя

укрепивый; Радуйся, молитве и терпению житием твоим вся научивый. Радуйся, обители твоя честная от вражеских козней охранителю; Радуйся, и насельников земли Берестейския в охранении веры святыя твердый руководителю. Радуйся, в поте лица твоего Бога ради потрудивыйся; Радуйся, верный рабе, добрым делателем винограда Христова явивыйся. Радуйся, Преподобномучениче Афанасие, похвало и украшение наше.

Кондак 5

Боготечней звезде подобен был еси Преподобномучениче Афанасие, в житии твоем деяньми ученьми добре паству твою назидая и путь истинный к горнему Иерусалиму ей указуя, тем же и ныне на небесех сияеши славою вечною и купно со лики праведных воспеваеши хвалебную песнь Богови: Аллилуиа.

Икос 5

Видев, яко защищение верных чад твоих не довлеет надеяться на силы человеческие все упование твое возложил еси на помощь Заступницы рода христианского, моляся пред образом Ея святым, именуемым Матери Божия Купятицкия и в час теплыя молитвы твоя услышал еси глас Ея, повелевающий ти бодрственно за Веру святую стояти и паству твою пред сильными мира сего защищати. Сего ради вернии научишася воспевати тебе таковая: Радуйся, в житии земнем слышати глас Пречистыя Владычицы сподобивыйся; Радуйся, гласов Ея служиши Богу призванный. Радуйся, в защищении обидимых крепкое забрало; Радуйся, сильным мира сего небоязненный суда Божия провозвестителю. Радуйся, вождений иноверия разрушителю; Радуйся, правды Божия в сердцах возстающих на Святую Веру утвердителю. Радуйся, пастырю добрый, душу свою положиши за овцы своя

Афанасий Игумен Брестский

изволивый; Радуйся, за правду гонения и скорби претерпевый. Радуйся, Преподобномучениче Афанасие, похвало и украшение наше.

Кондак 6

Проповедник учения Христова воистину явился еси, Преподобномучениче Афанасие, словом твоим в вере наставляя, житием во благочестии верным утверждая и всех поучая с любовью пети Богу: Аллилуиа.

Икос 6

Возсиял еси, Преподобномучениче, яко светильник, светяй на свещнице Истиныя Веры Христовы, высотой ума твоего озаряя души верных и разгоняя тьму нечестия и неверия, сего ради избраша тя людие, яко поборника веры сия, предстати пред лицом сильных мира сего и оградити ю от злокозненных наветов возстающих на ню. Тем же и мы достойно ублажаем тя похвалами сими: Радуйся, сущим в напастех скорый помощниче; Радуйся, обидимым крепкий заступниче. Радуйся, паствы твоя во благоустроении жития церковнаго мудрый руководителю; Радуйся, малодушием колеблемых верный укрепителю. Радуйся, враждебных наветов достохвальный оразителю; Радуйся, беспомощных присный защитителю. Радуйся, оградю крепкою обидимых явивыйся; Радуйся, пред лицом сильных мира сего изреши правду не убоявыйся. Радуйся, Преподобномучениче Афанасие, похвало и украшение наше.

Кондак 7

Хотяй непрестанно житием своим Богу благоугождати, подвигоположник был еси, Преподобномучениче Афанасие,

Афанасий Игумен Брестский

неослабный образ братии твоей подавая в трудах, бдениих и пощениих, с любовью поучал еси их, призывая служить Богу и пети Тому: Аллилуиа.

Икос 7

Новаго подвига иноческаго жития возделев, не отринул еси прошения иноков обители Дубойския возложить на тя бремя во благоугождении ея и, шед во обитель сию, узрел на пути мужа убога, еле жива суща, и самарянину милосердному подобишася, подъял еси его на рамена твоя и несл еси, внимая неизреченным его глаголам: сей же муж, внезапно скрывыйся от тебе, назвался сладчайшим именем Иисус. Сего ради и мы, тайне твоего боговидения дивящася, со умилением тебе вопием: Радуйся, ко милосердию душу твою предуготовавый; Радуйся, образ сострадания людям собою явивый. Радуйся, глаголы Господни слышати сподобивыйся; Радуйся, откровение дивных тайн от Бога восприявый. Радуйся, боговидче Христов. Радуйся, боговидцу Моисеови уподобивыйся. Радуйся, таиниче Божий, еще на земли небесных благ вкусивый; Радуйся, яко Сам Пастыреначальник Иисус призвати тя на подвиг благоволивый. Радуйся, Преподобномучениче Афанасие, похвало и украшение наше.

Кондак 8

Странен и безумен показался еси людем, Преподобномучениче, егда Христа ради юродство восприяв на стогнах царствующаго града истину Святыя Православныя Веры защищая и гневом Божиим отшедших от сея истины устрашая, восклицал еси: горе отступником и неверным, вера бо Православная яко солнце возсияет. Мы же словеса сия, яко пророчество приемлюще молитвенно

к тебе взываем: обьюродевший ум наш на стезю истины
направи, да с тобою взываем Богу: Аллилуиа.

Икос 8

Весь еси желание мое и радость моя, сладчайший Иисусе,
взывал еси ко Господу, Преподобномучениче, егда веден
был на место мучения твоего, душу бо твою предав в руке
Божии, тело твое сладце предал еси в руке мучителей
твоих. Таковая любовь твоя ко Господу и кротость твоя
мучителей смути, и сего ради один от воин, от его же руки
повинен был еси прияти смерть, дивяся мужеству твоему,
благословения отеческаго и прошения за сие безумное
дело у тебя испроси. Мы же, благоговейно воспоминающе
сие, похвалами ублажаем тя сими: Радуйся, любовью ко
Христу, аки многоценным бисером, душу твою красивый.
Радуйся, действенным проповеданием сия любве верный
путь во святых нам указавый. Радуйся, мужественным
смирением врагов твоих удививый. Радуйся, кротостию
твоею ослепленным враждою к тебе мучителей умное
прозрение даровавый. Радуйся, мужественно смерть
притерпевый. Радуйся, небесную Иисусову сладость
вкусивый. Радуйся, немолчныя исповедников слава.
Радуйся, предивная мучеников похвало. Радуйся,
Преподобномучениче Афанасие, похвало и украшение
наше.

Кондак 9

Вси видящи тя в темничнем заточении,
Преподобномучениче, зело дивляхуся твоему
непоколебимому стоянию за веру истинную святую, заветы
бо отеческия соблюдая, не токмо не утрашился еси уз,
оплеваний и поруганий, но мужественно вся сия терпя за
Христа, слезнаго исполнишися умиления, благодарственно

воспевал еси Богу Аллилуиа.

Икос 9

Витии многовещании не возмогут изрещи радости тоя великия, ею же исполнены быша сердца достигших верно чтити святую память твою: сии, веселием одержимы помыслиша воздвигнути храм на месте мученическа кончины твоея, место же сие и по триех ста летех по кончине твоей сохрани было в памяти верных. Терн бо, прорастший на крови твоей, яко свидетель неложный соблюдаше место сие от людскаго забвения, и свеща во гробе твоем, юже имел еси в руцех твоих в час кончины твоея, истистова место твоего упокоения. О сем убо радуящися, вернии восклицаху ти: Радуйся, путем тернистым жития твоего греховная тернии души твоея умертвивый. Радуйся, яко тернием прорастшим на гробе твоем: место упокоения твоего показавый и тем радость велию верным твоим явивый. Радуйся, хранителю обычаев церковных, со свещею возженною смерть восприявый. Радуйся, в знамении свещи зажженныя образно тайну сияния славы твоея предобразивый. Радуйся, яко храмом, созданным в память твою на гробе твоем, славно имя твое от людей прославися. Радуйся, яко на гробе твоем, яко же и древле на гробах мученических, жертва Христова за грехи людския приносится. Радуйся, неизсякаемый источниче блаженныя памяти о тебе на земли. Радуйся, цветом нетления украшенный на небеси. Радуйся, Преподобномучениче Афанасие, похвало и украшение наше.

Кондак 10

Спасти хотяй душу твою, о житии сем превременном нерадел еси, Преподобномучениче, егда бо на тя

осуждение смерти изыде, с радостию великою предал еси душу в руке Богови, воспевая Ему, в мученическом подвизе тебе укрепляющему, хвалебную песнь: Аллилуиа.

Икос 10

Стеною ограждения церкви православней обещался еси быти, пророчески на сие указуя в предсмертном завете учеником твоим: тамо, идеже тело мое изъязвленное и острупленное за имя Божие положено будет, Вера Православная процветет, яко крин посреде терния и яко искра в тепле сокрытая явится, возсияет и повсюду осветит. Сего ради и мы, славяще Бога дивнаго во святых своих и тя ублажаем: Радуйся, яко за истину скорби многия и язвы претерпел еси. Радуйся, яко за исповедание и защищение Веры Православныя нетление мощей твоих во блаженном упокоении приял еси. Радуйся, духовно слепотствующих и в Законе Господнем заблуждающих пречудный руководителю. Радуйся, всех напастей и бед, обуревающих верное стадо Христово, отразителю. Радуйся, прославлением мощей твоих превеликия радости нам исполнивый. Радуйся, и неверныя нетлением телесе твоего к познанию истины православия преведый. Радуйся, твоим проречением в надежди торжества Веры Истинныя нас укрепивый. Радуйся, и по успении твоём превеликим сия веры защитником себе явивый. Радуйся, Преподобномучениче Афанасие, похвало и украшение наше.

Кондак 11

Пение всеумиленное принесоша Богови ученицы твои, Преподобномучениче, егда обретоша сокрыто от людей чтущих память твою место твоего упокоения и мощи твои

Афанасий Игумен Брестский

нетленно пребывающия, обаче и мы, взирающи на таковую милость Божию нам явленную, благодарственно вопием прославившему тя Богу: Аллилуиа.

Икос 11

Светильник жития благочестнаго верному стаду твоему был еси, Преподобномучениче Афанасие, души твоей божественная богатства Духа Святаго собрав, за Христа мученичество исповедания приял еси, тем же и мы, молитвами твоими, просвещашеся вопием ти: Радуйся, светильниче благодатный жития благочестнаго. Радуйся, веру, надежду и любовь до конца сохранивый. Радуйся, со Христом, Его же от юности возлюбил еси, на веки соединивыйся. Радуйся, мзду великую за житие твое славное от Него восприявый. Радуйся, звездо лучезарная над землею нашею возсиявшая. Радуйся, царствия небесного и славы вечныя наследниче. Радуйся, нетлением мощей твоих образ воскресения нашего явивый. Радуйся, яко имя твое по всей стране нашей от конца в конец прославляется. Радуйся, страны нашае крепкое ограждение. Радуйся, присное пред Богом наше защищение. Радуйся, Преподобномучениче Афанасие, похвало и украшение наше.

Кондак 12

Благодать цельбоносна дана от Бога нетленному твоему телеси, егда бо отрок, на смертном одре лежащ, прикоснулся раце твоей, абие исцеле: благодати сия, Преподобномучениче Афанасие, и нам немощным испроси, да и мы здравы суще телом и духом, в сей и будущей жизни о тебе поем Богу: Аллилуиа.

Икос 12

Поюще твое славное и непреоборимое стояние за веру Истинную, ублажаем, Преподобномучениче, и святую твою кончину, ею же на земли и на небеси прославился еси и приносим ти похвалы сия: Радуйся, непоколебимый столпе Веры Христовой и отеческих преданий. Радуйся, яко тобою церковь верных просвещается. Радуйся, верный рабе Христов, любовь ко Христу свою кровию запечатленный. Радуйся, за веру и страдание в радость Господа приятый. Радуйся, верным чадом твоим, истинный путь во обители показавый. Радуйся, во обителях Христовых на скорби наши призирающий. Радуйся, от враг видимых и невидимых крепкий наш заступниче. Радуйся, дарованной от Господа милости неоскудный источниче. Радуйся, душевных и телесных недугов наш целебниче. Радуйся, всеусердный ко спасению наш наставниче. Радуйся, Преподобномучениче Афанасие, похвало и украшение наше.

Кондак 13

О, всехвальный угодниче Христов, Преподобномучениче Афанасие, прими сие, малое моление наше, в похвалу тебе приносимое. Буди неослабный молитвенник нам пред престолом Всевышняго и теплым предстательством твоим избави нас от зол земных и грядущего мучения, да с тобою воспеваем Богу; Аллилуиа.

(Этот кондак читается трижды, затем икос 1 и кондак 1)

Молитвы преподобномученику Афанасию, игумену Брестскому

Молитва первая

О, великий угодниче Христов, святой преподобномучениче Афанасие! К тебе мы грешнии и смиреннии, яко теплому нашему заступнику и скоропослушнику, молитвенно прибегаем и из глубины сердца взываем. Призри на ны скоро и умоли человеколюбца Бога, да не осудит нас грешных по беззакониям нашим, но да сотворит с нами по великой Своей милости. Охрани нас заступлением от облегающего нас суемудрия и неправоверия, и яко пастырь добрый, упаси заблудшия овцы стада Христова и во дворы Господни сия всели. Огради нас от соблазна, ересей и расколов и настави твердо в вере Православней подвизатися. Потщися, скорый о нас предстателю, благоприятным ходатайством умоли Господа, да ниспослет нам тихое и богоугодное житие, уврачует Своею благодатию наша болезни душевныя и телесныя, согреет наша сердца любовью друг ко другу и сотворит нас братолюбны и единомысленны. Испроси такожде у Господа и всего потребнаго для жития нашего телеснаго: земли плодородия, благорастворения воздухон и мирнаго устройства. Страну нашу и веси и грады охрани молитвами твоими от огня, потопа, труса, вражескаго нашествия и внутренних нестроений. Егда же приспеет час кончины нашея, утверди в нас память смертную, да и мы, в истинном покаянии и чистым сведением совести нашея представшии ко Господу, сподобимся деснаго стояния и со всеми святыми воспоем славу Отцу и Сыну и Святому Духу во веки веков. Аминь.

Молитва вторая

О угодниче Христов, отче наш Афанасие! Принеси молитву нашу к милостивому и всесильному Богу и испроси нам, рабам Божиим (*имена*), у благодати Его вся яже на пользу душам и телесем нашим, веру праву, надежду несумненну, любовь нелицемерну, во искушениях мужество, в злостраданиях терпение, во благочестии преспеяние, да не во зло обратим дары Всеблагаго Бога. Не забуди, чудотворче святой, и святой храм (дом) сей и приход наш: сохрани и соблюди их молитвами твоими от всякаго зла. Ей, святче Божий, сподоби нас кончину благую улучшить и Царствие Небесное унаследити, да прославим дивнаго во Святых Своих Бога, Емуже подобает всякая слава, честь и держава во веки веков.

Тропарь преподобному Афанасию, игумену Брестскому

Тропарь, глас 2

Блажен еси отче наш Афанасие, яко верно пожил еси стоя бодренно за Святую Восточную Веру: со умилением присно поя неседальное Пречистей, заповедуя никомуже нарушати Православныя Веры Святыя. Пострадал за свидетельство истины даже до смерти, мы же чтуще святыню твою со дерзновением взываем ти: отче наш: Преподобномучениче Афанасие, похвало и украшение наше.

Кондак, глас 4

Монашеского жития украшение и мучеников красоту явил себе житием твоим, Афанасие, и яко солнце пресветлое людям православным возсиял еси, тем же и Христос даром чудес обогати тя, да чтуще пресветлую память твою, зовем ти: поминай стадо твое молитвами твоими, Преподобне.

Кондак, глас 2

Яко постника благочестна и искусна и страдальца произволением честна и пустыни жителя сообразна в песнях достойно хвалим Афанасия приснохвального той бо змия пограл есть.

Величание

Ублажаем тя, Преподобномучениче Афанасие, и чтем святую память твою, наставниче монахов и собеседниче ангелов.

Афанасий Игумен Брестский

Памятник преподобномученику Афанасию в г. Бресте

